

Дорога домой

В захолустном городишке всё, как прежде:
Сладким солнцем наливается черешня,
За садами – в пустырях и огородах,
Зреют травы и толстеют корнеплоды.
И не режут глаз советским горожанам
Алкаши и лопухи за гаражами,
У ДК – портреты лидеров горкома.
...Я опять бегу домой из гастронома
С неизменными покупками в авоське,
Обгоняя и собаку, и повозку.
Я несу янтарный квас в стеклянной банке,
Колбасу и бородинского буханку.
В палисаде, рыжей наглости не пряча,
Ждёт еду блохастый выводок кошачий –
Палку ливерки съедают в два присеста.
И скрипит по-стариковски дверь подъезда,
Я вдыхаю запах браги, лука, фарша.
Пять ступенек, дверь налево – это наша.
У меня тяжелый ключ висит на шее.
Почему он с каждым вдохом тяжелее?
Отчего застряли звуки в горле комом,
И подъезд уже не кажется знакомым?
...Выпадает из авоськи чёрный камень,
А из банки льётся небо с облаками.

12 июня

Июнь пропишет всех на дачах,
Весёлых дней наобещав.
Забрезжит свет, проснётся мальчик,
Пойдёт с отцом к реке рыбачить,
Поймает первого леща.
И этот день, счастливый самый,
Он будет помнить много лет:
Терраса, звонкий голос мамы,
Мажорный плеск фортепиано,
Уха, торжественный обед.
Отец похвалит, сядет рядом,
И младший брат не будет ныть,
И никуда спешить не надо...
Почти сто суток до блокады
И десять суток до войны.

Не в Ташкенте

Саид, в суровом сборище сугробов,
стоит среди зимы, разинув рот...
А снег ещё настойчивей идёт,
пятная мандаринность новой робы.
Невиданная щедрость русских зим
как чуждый перевёртыш жизни бывшей –
в Ташкенте осыпались с неба вишни,
черешня, абрикосы и кизил...

Сочится рыбный запах из столовой
и вкусно оседает на бульвар.
А в съёмной неуютности Гюльнар
баранину разделала для плова,
промыла рис и села у плиты.
Её страшит чужая жизнь и стужа.
А этот снег – разнузданный, ненужный,
как будто прямо в сердце ей летит.

За двоих

Солю грибы, варю варенье –
Опять нашлось немало дел,
И я с обещанным смиреньем
Стараюсь жить, как ты хотел.
Наш мир с нехитрыми вещами
Мне помогает. Неспроста
Полы и стены освящает
Разлёт оконного креста.
За ним – косматый ежевичник
И сад, где радостно скучать.
Сердца спешащих электричек
По расписанию стучат.
...Я привыкаю, всё в порядке –
Ты видишь, ты же знаешь сам –
Добреют овощи на грядках,
Ромашки смотрят в небеса,
Пылает мальва у сарая,
К забору жмётся девясил...
И я счастливой быть стараюсь
За нас двоих, как ты просил.

Августовское

Мне в августе всегда немного больно.
Как муха в обманувшем застеколье,
я билась. Но теперь прошёл запал –
остывший день для суетности мал
и слишком зрел для шалостей дурацких.
Пора в дорогу листьям собираться,
и яблоку, упавшему в траву,
и девочке – её уже зовут
примерить форму новую для школы.
Пиджак велик и кажется тяжёлым,
ботинки жмут, мешают ремешок,
и только бант болтается смешно.
Но ей внушают старшие, что нужно
сегодня стать серьёзной и послушной,
и взрослой – непременно к сентябрю.
Созревший день настойчиво клюют
дожди и птицы. Первая прохлада
украдкой просочилась сквозь ограду,
по саду пробежала, словно ток,
и проседью задела мне висок.

Мне нужно знать – ты есть. И этим жить.
Ещё воспоминания свежи,
и я иду на их упрямый зов

по тёмной безысходности дворов,
встречая в беспокойной темноте
случайных,
и не нужных,
и не тех –
они проходят молча сквозь меня.
...Ты ничего с тех пор не поменял:
в квартире шторы, мебель и жена,
окно, где я была отражена.
Меня забыли рамы и стекло,
ворчливый дождь, кочующий циклон,
скамейка, две берёзы, фонари,
разболтанная ручка на двери.
И только ты один настороже.
Горит окно на первом этаже –
твоё. И я опять к нему иду
доказывать свою неправоту.
...А вдруг ты выйдешь выгулять жену,
И я, нарушив вашу тишину,
шагну... и оступлюсь на мостовой,
которая забыла нас с тобой.
Не выходи! Мне нужно пять минут –
узнать: ты есть, смириться и взглянуть
на тёплый глянец рыжего окна,
в котором снова я отражена.

Цвела джида, журчал степной арык –
Я помню это место, где зарыт
Мой детский клад – секретик мой
заветный.

Под выпуклым бутылочным стеклом
Лежало голубиное перо
На смятой золотинке от конфеты.

Земля была покорна и легка,
Как гречневая мамина мука.
Её так много – всем на свете хватит
Лугов, полей и маковых степей.
Я знала, что могу доверить ей
И стёклышко, и пёрышко, и фантик.

Я помню осень. Дым. Горит листва,
Ползёт позёмкой пепел от костра,
Ложась на оперенье мёртвой птицы.
И хрупкий мир, что не был мной спасён,
Послушно лёг в голодный чернозём
И в кукольной коробке уместился.